

Покорение Сибири

К.Г. Михайлов

Зоологический музей МГУ

Да, именно покорение, а не «освоение». Потому как сибирские народы в большинстве своем отнюдь не мирно переходили под власть русского царя. Это обстоятельство, хорошо известное при царском режиме, старались обходить и замалчивать в советской литературе. Эта советская неправда, уже преодоленная, сохранившаяся ныне только в официозе, недавно вызвала резкую критику Ю.В. Чайковского («В круге знания», см. рецензию в № 4 «Химии и жизни» за 2014 год).

По мнению автора рецензируемой книги, с «общемировой, общечеловеческой точки зрения» завоевание Сибири русскими имело положительное значение хотя бы потому, что прекратило протекавшую здесь ранее «войну всех племен против всех». Не говоря уже про общекультурное и техническое влияние русских, о котором много писали советские историки.

Под регионом Сибири автор разумеет всю зауральскую территорию современной России, вплоть до побережья Тихого океана, включая Чукотку и Камчатку, но без юга Дальнего Востока.

Кречмар М.А. Сибирская книга. История покорения земель и народов сибирских. Москва: ИД «Бухгалтерия и банки», 2014.

Хотя по всем физико-географическим нормативам прибрежные районы севера Дальнего Востока принято называть Дальним Северо-Востоком, но никак не Сибирью. Автор, похоже, решил ограничить себя еще и временными рамками, начав с XVI века и завершив началом XVIII века; здесь главный репер — установление стабильной царской администрации в регионе. История распространения на юго-восток, по Амуру и за Амур, заканчивается Нерчинским договором между Россией и цинским Китаем 1689 года. А история дальнейшего продвижения на восток — к «Русской Америке» и на юг — к «городу нашенскому» (Владивостоку) — начинается позднее, захватывая уже и XIX век.

Большая обзорная книга по истории Русской Сибири давно была нужна. Тем более что автор учел и некоторые новейшие источники, например дневники корейского военачальника XVII века о сражении маньчжуров с русскими на Амуре, опубликованные лишь в 1980 году. Сложные и спорные вопросы автор дает в традиционной трактовке; некоторые детали мы обсудим ниже.

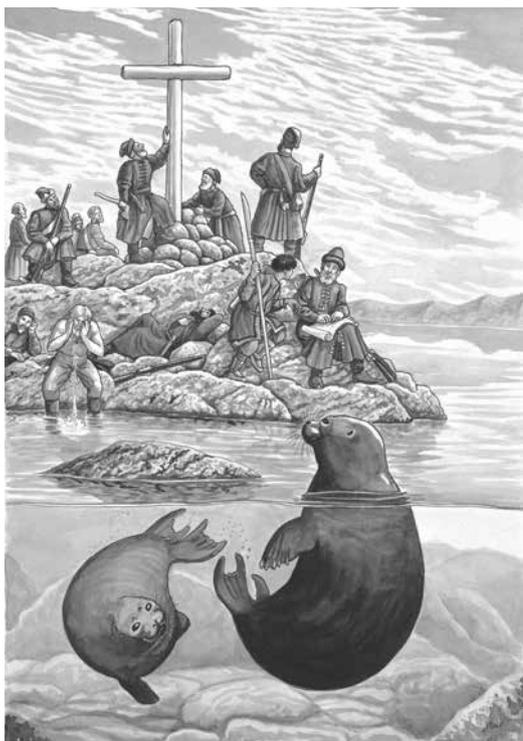
Композиционно книга состоит из двух больших разделов — «История с географией» (хронология покорения регионов Сибири) и «Пути, города и люди» (биографические очерки первопроходцев-покорителей и местных лидеров, вооружение, транспорт, строение крепостей, положение женщин и многое другое). В первом разделе представлены также три «интермедии» — скорее справочно-информационного свойства: «Боярские дети и остальные», «Институт аманатов» и «Сибирское управление».

В начале первого раздела автор дает геополитическую картину расширения территории России; восточное направление оказалось приоритетным, в первую очередь из-за отсутствия там мощного противодействия. Первыми этапом расширения стало окончательное покорение «страны вогулов и остяков» в Предуралье и в северной части Западной Сибири, а также аморфного татарского Сибирского ханства, расположенного в средней части Западной Сибири. Обсуждается поход Ермака Тимофеевича. Далее речь идет о Мангазее... После периода недолгого

расцвета в самом начале XVII века этот город зачах, главным образом из-за не богатой приполярной природы и транспортной отдаленности, не позволяющей прокормить большое население. Даже подвоз хлеба (зерна, муки) в Мангазее случался не каждый год. Тем более что плавание по Северному Ледовитому океану, самое простое для доставки грузов в город, было почему-то запрещено царскими указами в середине XVII века. Что до главного «золота» Сибири — соболиного меха, — окружающее население, отдав за один раз многолетние запасы, затем почти не поставило его. Довершили дело распри между мангазейскими воеводами, доходившие до регулярной осады города и стрельбы из пушек, а также большой пожар 1642 года...

Далее район освоения придвинулся к «стране тунгусов» и захватил енисейские территории. В борьбе с воинственными тунгусами был применен эффективный институт «аманатов» — заложников, который далее использовали во многих регионах Восточной Сибири и, добавляет автор вскользь, отменили только в конце «просвещенного» XVIII века. Юг енисейской Сибири — «страна киргизов» — также был освоен русскими. «Киргизы», однако, сопротивлялись довольно долго, вплоть до конца XVII века делали набеги на Красноярск и его окрестности. Завершилось это противостояние тем, что все киргизы были депортированы джунгарами (крупной азиатской силой того времени, наряду с маньчжурами и монголами) в южные районы их ханства, плодородная территория Минусинской котловины практически опустела и таким образом осталась за русскими.

Сильное сопротивление русским оказали и буряты, населявшие в те времена Прибайкальский регион. На руку бурятам сыграли внутренние свары между русскими, которые безуспешно надеялись разыскать в регионе золотые и серебряные месторождения. Но в конечном счете уже в середине XVII века буряты из окрестностей Братского острога переместились далеко на юг, «к монголам», и земля опять опустела... Вернулись они в Забайкальский регион уже в более поздние времена.

*Выход отряда Курбата Иванова на Байкал
Справа коч Ивана Реброва в Ледовитом море.
Оягосский яр*

Еще один вектор движения — в сторону Лены — через «страну тунгусов» в «страну якутов»; при этом якуты сами лишь недавно освоили новый для себя регион поймы Лены и ее крупных притоков. Несмотря на несколько восстаний и две осады Якутского острога, якуты были покорены уже к 1642 году и в дальнейшем во всем поддерживали русских. Дальнейшее продвижение на восток шло через земли тунгусов, или эвенков (охотников с небольшой примесью оленеводства), и ламутов, или эвенов (преимущественно оленеводов), проживавших в гористых районах правобережья Лены. Сражения на побережье Охотского моря с многочисленными немирными ламутами продолжались вплоть до 1680-х годов.

Следующее направление, северо-восточное, — в тундру, в район Колымы, в земли «ламутов и юкагиров», где русские вступили в соприкосновение с чукчами, коряками и обитателями Камчатки. В этом регионе общее замирение произошло уже в XVIII веке, а с чукчами удало окончательно договориться ближе к веку XIX, регулярно выделяя им от казны подарки в обмен на плохо выделанные олени шкуры. Особо кровопролитные действия происходили на Камчатке, в результате чего местное население там к середине XVIII века сократилось, по мнению Г.Стеллера, чуть ли не в тридцать раз!

Освоение Забайкалья (Даурии) и Приамурья привело к столкновениям с войсками маньчжурской династии Цин.

Русский город Албазин, заложенный на правом берегу Амура, пришлось разрушить по итогам Нерчинского договора. Другие русские поселения были перенесены на левый берег великой реки.

На этом заканчивается первый раздел книги. То, что изложено выше скучно-конспективно, рассказано в ней подробно, с множеством деталей. Тут и переписка, и взаимные клеветы, и царские указы, и свидетельства «главного историка» Сибири — Г.Ф.Миллера.

Второй раздел не менее интересен. Главный денежный эквивалент Сибири, так привлекавший торговых и государевых людей, — соболиные шкурки, меха. Немаловажно, что ареал соболя почти целиком ограничен территорией России. Именно в места его обитания устремились в первую очередь первопроходцы, и эти территории становились российскими. Только в редких случаях «соболя» нашли эквивалентную замену — моржовые клыки и мех других, менее ценных животных. Забавно, что за пределами Московского царства скоропортящиеся меха вовсе не являлись ликвидным товаром; отношение к ним в России стало более скептическим со времени «царя-технократа» Петра I.

В начале главы «Странники-завоеватели» автор пытается провести что-то вроде социологического анализа. Основное ядро землепроходцев составляли казаки, разноплеменная группировка лиц мужского пола, покинувших свои страны из-за неладов с законом, проживавших на полуничейных территориях, куда не распространялась власть соседних сильных государств. В промежутках между военными действи-

ями (на любой из противоборствующих сторон, лишь бы платили) казаки жили разбоем. Служилое население Сибири складывалось далее из военных, переселявшихся из Европейской России, крестьян, казаков, разноплеменных татар, иностранцев (поляков, литвы, даже немцев). Личная прибыль была главным мотивом первопроходца, равно как и простое человеческое любопытство, и государственная поддержка. А без центрально-русского хлеба и оружия сибирская Россия существовать тогда не могла, зависимость была велика. Поэтому и не отмечены среди сибирской казацкой вольницы случаи самозванства и весьма немногочисленны прямые выступления против государственной власти, хотя примеров всяческих безобразий и распушенности немало, они рассыпаны буквально по всей книге. С другой стороны — несомненно, присутствовало стремление оторваться от начальства и погулять, «пошалить» в свое удовольствие...

Далее в той же главе следуют краткие биографии первопроходцев — Ермака (Ермолая) Тимофеевича, Ивана Галкина («самый результативный завоеватель»), Петра Бекетова («правильный завоеватель-картограф»), Михайло Стадухина («буян и путешественник»), Семена Дежнёва («работяга, не сдающий своих») и других. Прямо в заглавиях очерков автор дает большинству персонажей яркие эпитеты, процитированные выше. Иные характеристики в тексте и вовсе нелестны: «Ерофей Хабаров, по современным понятиям, был барыгой, который при возможности быстро

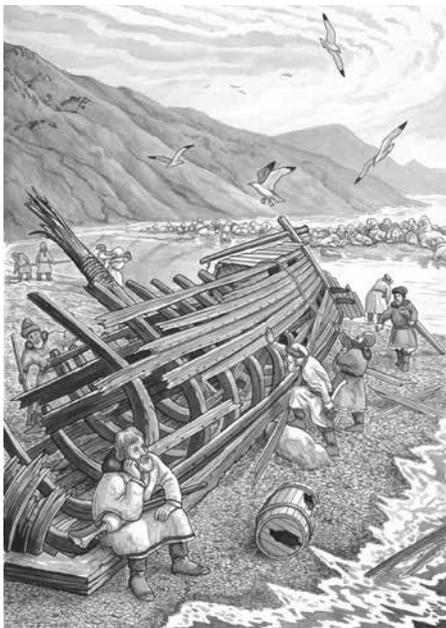
КНИГИ

оборачивался бандитом». Автор традиционно упоминает о службе Ермака в смоленском войске, воевавшем тогда с польской армией. Хотя уже в работе А.А.Введенского «Дом Строгановых в XVI—XVII веках» (1962) показано, что атаман волжских казаков Ермак Тимофеевич и атаман донских казаков Ермак Тимофеевич (как раз воевавший против поляков) — это две разные персоны. Последние изыскания Ю.В.Чайковского относительно маршрута Дежнёва, похоже, вовсе не проходившего через Берингов пролив, проигнорированы, хотя ситуация автору известна; впрочем, этот эпизод изложен в книге крайне конспективно.

Отдельная, более краткая глава посвящена вождям «другой стороны» — хану Кучуму, Еренаку, «князю» Гантимуру и другим. Достоверные исторические материалы по этим персонам немногочисленны. Тяжелый осадок оставляет чтение главы «Женщины Присоединения»: случаи захвата в рабство женщин и девушек из местного населения были почти нормой в течение всего XVII века. Далекая московская власть боролась с этим, предписывая воеводам следить, чтобы их люди не владели «ясырем» (то есть рабами из инородцев). Крещеных «ясырок» полагалось выдавать замуж, некрещеных — отправлять назад, к родичам.

Судя по выступлениям в соцсетях, автор рецензируемой книги — большой любитель оружия (им даже написана книга «Север и оружие»), поэтому глава «Вооружение и тактика сторон» написана подробно и со вкусом. Разобраны типы луков, ножей, варианты огнестрельного оружия. Обсуждаются

**Крушение у берегов Чукотки.
Семен Дежнёв принимает решение**

Остяцкий богатырь против русской пищали

причины русских побед, и главная из них — большая опытность и смекаливость завоевателей. Отдельные, очень интересные главы посвящены транспорту и снабжению, городам и крепостям...

Но одним из главных врагов русского завоевателя был... другой русский завоеватель, и этому противостоянию посвящена подробнейшая глава «Между своими», одна из важнейших в книге. Трудно пересказать множество красочных эпизодов, поэтому я адресую заинтересованного читателя к оригинальному авторскому тексту. Далее следует краткое приложение (Георг Стеллер о безобразном поведении казаков на Камчатке) и небольшой список литературы.

Автор проводит сравнение покорения Сибири с завоеванием Северной Америки. Сопротивление народов Сибири было менее ожесточенным, чем отпор американских индейцев. Первопроходцы Сибири не обогатились в отличие от испанских завоевателей Нового Света. И там, и там покорение новых областей совершали не большие армии, но малые отряды, обычно численностью в несколько десятков солдат, стрельцов или лучников. Интересно, что во многих случаях «торговые, промышленные люди» (добытчики соболя в первую очередь) проникали в новые, неизведанные области на 10—20 лет раньше государевых людей-первопроходцев, однако никаких записей эти первые не вели и ясак (натуральный налог) не собирали; посему письменные свидетельства о ранних путешественниках практически отсутствуют. Возможно, автор ознакомился не со всеми источ-

Дмитрий Павлуцкий в походе на чукчей

никами по этому вопросу. Выдающийся историк С.Ф.Платонов в своей работе «Строгановы, Ермак и Мангазея» (1923) пишет, что название этой территории было дано торговцами задолго до закладки одноименного города (по указу Бориса Годунова) и что торговля с этим регионом шла чуть ли не в течение всего XVI века...

Книга написана хорошим современным языком, с множеством цитат из старинных книг и летописей. Автор отлично знает и чувствует географию и природу гигантского региона. Прекрасные иллюстрации созданы художником Николаем Фоминым специально для этой книги. Жаль, что они опубликованы в книге лишь частично. Я заметил, что почти на каждом рисунке присутствует какой-либо представитель сибирской фауны — то сова-сипуха, то ворон, кабарга, то соболь, то амурский тигр, то злой гнус, то красная рыба, идущая на нерест... Книга снабжена также и несколькими художественно оформленными картами с указанием годов основания русских крепостей-поселений. Количество опечаток умеренно. И конечно, не помешал бы именной указатель.

Издана книга неплохим тиражом в 3100 экземпляров, но отсутствует в магазинах. Купить ее можно только в редакции «Русского охотничьего журнала» (<http://shop.huntandfish.ru/>), где автор работает ныне главным редактором. Другими словами, только очень заинтересованные, упрямые читатели могут раздобыть это издание, которое на самом деле задумано как широкодоступный обзор-справочник.

